

на болевых точках и реальных проблемах отечественного образования. Необходимо видеть проблемы, решать их и двигаться вперед.

В Послании Федеральному собранию РФ 21 февраля 2023 года наш Президент Владимир Путин поставил перед страной серьезнейшие задачи в сфере образования. Приложим же все силы для их выполнения.

А. А. Гусейнов,

*академик РАН, доктор философских наук, профессор,
врио директора Института философии РАН, Почетный доктор СПбГУП*

ФИЛОСОФИЯ: РОЛЬ И МЕСТО В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Каждый народ тем более цивилизован и образован,
чем лучше в нем философствуют.

Рене Декарт¹

В докладе я остановлюсь на трех вопросах:

первый — философия и образование;

второй — специфическая трудность преподавания философии;

третий — возможная архитектоника общего курса философии.

Речь пойдет не о подготовке специалистов в области философии, а о роли философского образования в подготовке других специалистов; если говорить о нашей системе высшего образования, то не о философских факультетах и выпускающих кафедрах философии, а о философии как общеобразовательном курсе в программах других (нефилософских) специальностей.

I

Известно расхожее сравнение философии с судьбой короля Лира, который разделил королевство между дочерьми, а сам остался ни с чем. Так и философия, которая была когда-то синонимом теории, со временем, по мере того как из ее лона выделялись отдельные самостоятельные науки, тоже осталась без своего домена. Это относится не только к месту философии в системе наук, но и в некоторой степени к ее месту в системе образования.

¹ *Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 302.*

Первоначально образование как систематическое овладение имеющимися знаниями осуществлялось в рамках философских школ. В античной древности это были основные четыре школы, просуществовавшие почти тысячелетие: Платоновская академия, Аристотелевский лицей, Эпикурейская и Стоическая школы. Возникшие в XII веке университеты также базировались на философских факультетах, которые включали все теоретические, в том числе математические и естественно-научные, знания. Все знание, которое основывалось на законодательстве разума и ориентировалось исключительно на истину, считалось философским. Так продолжалось до середины XIX века. Современное университетское образование разрушило эту традицию. Оно развивается уже в прямой зависимости от самой науки, можно сказать, является ее тенью. Содержание специальностей и конкретных учебных курсов с теми или иными коррекциями и отставанием воспроизводит то, что происходит в науке.

Философия, которая утратила свой статус распорядителя наук, оказалась и в образовании низведенной до дополнительного общегуманитарного предмета. Относительно ее статуса и учебного веса, если она вообще признается нужной, с тех пор вплоть до настоящего времени существуют разные мнения и практики. Это, конечно, слишком общая схема, но она, фиксируя место философии в начальной и конечной точках реальной истории высшего образования, позволяет увидеть общую тенденцию.

Преподавание философии в России в рамках высшего образования началось с Петербургской академии наук и Академического университета, который (наряду с гимназией) был ее неотъемлемой частью. Тогда это был передовой, обогнавший свое время проект соединения науки и образования. Члены академии возглавляли кафедры. (К слову, среди первых 17 членов Академии наук пятеро имели в качестве второй специальности философию. В университете были две философские кафедры: логики и метафизики и кафедра нравов. Торжественное открытие Академии в декабре 1725 г. предварил доклад профессора именно кафедры метафизики Бильфингера, в котором он дал общий обзор истории науки.)

К сожалению, этот новаторский проект соединения науки и образования в том виде, в каком он был задуман Петром I и консультировавшим его известным ученым Христианом фон Вольфом, в целом не состоялся, так как члены академии неохотно отрывались от своих научных дел ради

лекций, и кроме того, в России не могли набрать студентов. Первоначально все члены Академии наук, которые, как известно, были иностранцами, завезенными из Европы, по контракту должны были привозить с собой двух студентов, чтобы мог состояться сам университет. Первые русские студенты появились спустя более пяти лет после возникновения академии. В 1747 году Академия наук и университет по уставу разделились в рамках академии, как было сказано, на «особливых академиков», которые никого не обучают, и «особливых профессоров», которые должны учить в университете. Но и эта конструкция не заработала. И с 1760-х годов университет в академии практически перестал существовать. А из Устава Академии наук 1803 года университет вообще убрали. Так обозначилось своеобразие интеллектуального развития в России, состоящее в том, что научно-исследовательская работа и образовательная деятельность оказались институционально разделенными. Это стало одной из особенностей России по сравнению с западноевропейским опытом.

Наши университеты складывались по европейскому образцу, и в них кафедры философии по замыслу должны были занимать важное место. Но судьба этих кафедр оказалась очень сложной. Например, в МГУ кафедра философии вообще пустовала с 1821 по 1845 год. А в 1850 году во всех университетах страны кафедры философии были закрыты, и возобновление их работы постепенно началось в 1863 году, после знаменитой реформы высшего образования в рамках «великих реформ» Александра II.

В советские годы философия прочно закрепилась в высшем образовании, получив начиная с 1958 года статус обязательного для всех специальностей и к тому же привилегированного предмета. Университетская философия и в императорской России, и в Советском Союзе находилась под пристальным правительственным идеологическим надзором. Отличие состояло в том, что царское правительство осуществляло свое воздействие через внешние административные ограничения и запреты, а советская власть пошла дальше, взяв под контроль и само понимание философии, предписывая в качестве предмета изучение только единственной марксистско-ленинской философии, которая соответствует ее интересам.

Когда мы характеризуем сегодняшнее положение философии в высшем образовании, необходимо различать два аспекта — философию как род знания и как социальный институт. Если говорить о первом аспекте, то ситуация в нашей стране кардинально изменилась. Философия

освободилась от идеологического пресса и развивается как свободное занятие в соответствии со своим предметом, профессиональными критериями, в большом разнообразии интеллектуальных традиций. Что касается ее институционального статуса, то положение философии остается в целом таким же, каким оно было в советские годы: обязательный предмет федерального пакета, экзамен кандидатского минимума, бюджетное финансирование и др. Правда, в чем-то философия проиграла: нет прежнего привилегированного положения, государственного экзамена, сокращаются часы и т. д. Но в чем-то и выиграла: увеличилось число философских факультетов и выпускающих кафедр.

II

Образование — основной канал выхода философии как профессиональной деятельности в публичное пространство, самый заметный показатель ее востребованности. В этом отношении отечественные стандарты, в частности обязательность философии как учебной дисциплины в системе высшего образования, являются предметом зависти со стороны наших западноевропейских коллег. Там философия, как правило, преподается факультативно, а в ряде университетов ее нет даже в таком качестве. Русская философия, и в этом одна из ее особенностей, развивалась не только в академической форме, но и в значительной мере в контексте массовой культуры, литературы, журналистики, публицистики, политической идеологии. Включение философии в общегосударственный пакет высшего образования — из того же разряда.

Здесь, однако, возникает проблема — как свободу философствования совместить с обязательностью ее изучения в системе образования, в частности высшего. Дело в том, что особенность и в известном смысле единственная сложность преподавания философии в общественно санкционированных и обязательных формах связаны с ее многозначностью или, как выражался академик Ойзерман, с тем, что философия существует во множественном числе. Она принципиально плюралистична. Плюралистична именно как род занятий. Сам научный статус философии в том виде, в котором она развивалась в истории нашей культуры, начиная с первых представителей Милетской школы и вплоть до наших дней, состоит в том, что она существует в многообразных и существенно разнообразных, внутренне полемизирующих между собой формах. Философия — это авторское произведение. Конечно, в науке тоже великие открытия связаны с конкретными именами

и в каком-то смысле являются авторскими; мы же говорим о законах Ньютона. Но тут есть отличие. Ньютон не создавал эти законы, он открыл их, познал, сформулировал, сами же по себе эти законы объективны, они существовали задолго до него и продолжают существовать и сегодня. Он дал нам истину (знание) об этих законах. Иное дело — в философии, которая не столько открывает, сколько создает свои учения. Идеи Платона в небе не живут. Авторство в философии в чем-то сродни авторству в искусстве.

В философии нет общепризнанного канона, подобного тем, что существуют в других областях знания, например в физике, химии, биологии и даже социологии, в ней представлены разные системы, каждая из которых равна самой себе. Нет философии вообще, самой по себе истинной философии, а существуют разные философии: Платона, Аристотеля, Николая Кузанского, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Толстого, Соловьева, Хайдеггера и др. Вопрос, который стоит перед системой образования (обществом, государством): какую из множества философий мы должны преподавать? Иногда высказывается мнение, что нужно обратиться к истории философии и изучить все многообразие философской мысли. Но это невозможно и бессмысленно. Невозможно, ибо мы столкнемся с проблемой, на основе чего следует выстраивать это многообразие в единую систему. Бессмысленно, ибо это потребует такого объема физического и теоретического материала, для которого не хватит учебного времени, если даже его увеличить в сотни раз. Иногда предлагают выходить из этого затруднения, сосредоточившись на трех-четырех темах и проблемах философии, прослеживая их интерпретацию во всех системах. Это более реалистично, но и в данном случае возникает вопрос о критериях их отбора и системной связанности.

На мой взгляд, для первого вводного общеобразовательного обязательного курса философии важным является понимание ее роли в жизнедеятельности человека, точнее ее роли в организации этой жизни. Конечно, вопросы о содержании философии (о том, что она изучает) здесь также будут возникать, но во вторую очередь и в самом общем виде. В первую же очередь должен стоять вопрос: для чего, с какой целью? Более конкретно: в чем заключается польза философии для людей, в силу которой она получает законное место и поддержку в системе общественного разделения труда в рамках духовного производства?

III

Два великих и общепризнанных философов, в том числе и в рамках отечественной традиции, Хайдеггер и Гегель, сформулировали противоположные суждения по этому вопросу. Хайдеггер считал философию уникальной возможностью автономного и творческого существования индивида. А Гегель говорил, что философия есть эпоха, схваченная в мысли. Вот две пользы от философии: одна для индивида — для того, чтобы он мог существовать и развиваться в автономном режиме, а вторая для общества — чтобы можно было осмыслить, рассмотреть в целостности общие условия его развития, саму эпоху. И то и другое утверждение выражает истину, но не в полной мере. А полная истина в данном случае требует соединения этих двух аспектов. Проблема преподавания философии заключается в том, как объединить эти два разных аспекта, две пользы, две цели, достижению которых она должна способствовать.

В комедии древнегреческого поэта Аристофана «Облака» высмеиваются философы. Сократ, который олицетворяет философию, изображается мудрецом, скрывшимся от людей в «мыслильне». Здесь невольно возникает аналогия: у кузнеца — кузница, у философа — мыслильня. Философ имеет дело с мыслями, он обрабатывает их, шлифует, составляет из них полезные для людей красивые конструкции. Подобно тому как к кузнецу люди приходят со своим железом, так и к философу каждый приходит со своими мыслями, чтобы тот привел их в порядок и научил правильно ими пользоваться.

Философов интересуют не конкретные мысли о том, как лучше сделать, а принципы и правила мысли, ее формы, которые позволяют правильно мыслить, о чем бы ни шла речь. Философы с самого начала определили в качестве своего предмета правила организации мысли, то есть логику, их разбиение на истинные и ложные, то есть гносеологию, а также автономию мысли, позволяющую придать этим мыслям совершенство, то есть этику.

Возникает вопрос: кто нуждается в мастерстве философов и кто готов брать у них эти уроки, уроки логики, гносеологии и этики? В широком смысле — любой человек, поскольку он является мыслящим существом, особенно когда оказывается в ситуации противоречивых желаний, стоит перед выбором важных решений. Не случайно в истории культуры философов изображают рядом с молодыми людьми, которые задумываются над тем, чем им заниматься в жизни, и правителями, которые решают, как им упорядочить общую жизнь.

Надо иметь в виду, что философия — это не только профессиональное занятие в рамках разделения труда, но еще и форма общественного сознания. Платон считал, что философское знание есть припоминание. По крайней мере, применительно к философии это отчасти правильно. У современного студента та часть души, которая предназначена для философии, не является девственно чистой — там уже что-то написано. Когда студент впервые приходит на занятия по философии, он сталкивается с философскими понятиями, многие из которых ему знакомы как слова естественного языка и входят в его жизненный кругозор. Таковы, например, понятия общего, частного бытия, сознания, добра, долга, прекрасного, истины, человека, общества, знания, представления. Знакомясь с философией, студент вынужденно разбирается со своими представлениями: что-то отбрасывает, что-то очищает, расчлняет, заново выстраивает, чтобы эксплицировать, вспомнить стоящий за тем или иным понятием реальный предмет. В данном случае студент оказывается в положении школьника, который впервые приступает к изучению грамматики родного языка. Школьник знает этот язык и грамматику, пользуется ею, но впервые узнает ее в форме осознанных правил. Точно так же и студент уже знает и пользуется философскими понятиями, но впервые сталкивается с тем, чтобы осознать их действительное содержание. Студент перед лицом профессора философии типологически оказывается в положении афинянина с улицы, который оказался перед лицом Сократа. Они различаются не целями, а глубиной и точностью анализа, цели же их объединяют и настраивают на одну волну. На занятия по философии приходит не просто молодой человек, не Геракл на распутье, а студент, решивший стать специалистом в одной из областей науки.

Философия и науки — это близкие, но все-таки разные явления. Первая грубая ошибка состоит в стремлении выстроить их в один ряд, сказав, что все другие науки являются частными, изучают каждая свою область знания, а философия имеет своим предметом общие законы окружающего мира. Если и можно провести различия между философией и другими науками по критерию всеобщности изучаемых законов, то не только этим определяется разграничительная линия между ними и не только это определяет ее особую образовательную ценность. Философия связана с наукой, опирается на нее, использует ее выводы и даже сама стремится быть научной, но тем не менее она есть нечто иное — это другая форма сознания.

Философия имеет дело с целями человека, его поступками или их отсутствием, определяет их общее направление. Ее предметом является жизненная мудрость или мудрое распоряжение своим разумом, а наука нацелена на объективное знание о мире, в том числе на нас самих, на такое знание, которое не зависит от человеческих целей. Философия в этом смысле принципиально субъективна, личностна, в отличие от науки. Для науки разум — это зеркало, которое показывает человеку то, что в нем отражается. Для философии разум является основополагающим способом существования живого индивида, своего рода прожектором, освещающим его жизненный путь. И если для науки существенно то, что можно разглядеть в этом зеркале о мире и самом человеке как его частичке, то для философии важно знать, чем оно, это зеркало или этот разум, является само по себе и каковы его изначальные предельные возможности.

Эту особую роль философии в царстве разума хорошо определил Кант, 300-летие которого мы будем отмечать в 2024 году. Кант охарактеризовал (и здесь я повторяю его почти дословно) предмет философии как отношение всякого знания и всякого применения разума к конечной и высшей цели человеческого разума, которой подчинены и в которой должны обрести единство все прочие цели. Отсюда четыре знаменитых кантовских вопроса, охватывающих философию в той полноте, которая предстает перед всяким мыслящим человеком, задумывающимся над тем, что для него значит прожить жизнь осмысленно и мудро.

Первый вопрос: «Что я могу знать?»

Второй: «Что я должен делать?»

Третий: «На что я смею надеяться?»

Четвертый: «Что такое человек?»

На мой взгляд, эти четыре вопроса могут задать понятную архитекtonику общего курса философии, и на их основе можно выстроить преподавание философии в качестве обязательного курса. Единственно возможное изменение могло бы состоять в том, чтобы четвертый вопрос: «Что такое человек?» поставить на первое место, имея в виду, что все три предыдущих вопроса, по сути дела, являются ответом на него.

* * *

Мне кажется, что такая структура философии как общеобразовательного предмета позволит легче преодолеть ряд специфических трудностей, связанных с ее природой. А именно:

— сочетать цельный взгляд на философию с многообразием ее историко-философских модификаций и современных дискуссий;

— полнее раскрыть функцию философии как междисциплинарного медиатора в мире наук и знаний;

— а также, что является самым важным, позволит студенту реализовать лично-выраженный заинтересованный подход к изучению философии и выработать собственный ответ на основные вопросы, образующие внутреннюю мировоззренческую структуру осознанной человеческой жизнедеятельности.

В. А. Макаров,

*академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор,
научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН*

ВАЖНЫЕ ПУНКТЫ В РЕФОРМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кратко хотел бы высказаться по одному конкретному вопросу. Речь идет о наставничестве, о котором я неоднократно говорил в надежде, что мои слова воспримут высокие начальники.

Наставник в давние времена определял будущее человека, передавая наставляемому опыт и знания. Так, наставником можно назвать философа Сократа: он объяснял людям, как устроен мир, к чему надо стремиться, и отвечал на вопросы. Платон в этом смысле тоже был наставником. Рассказы философов были не лекцией, а формой наставничества. Когда появились университеты, наставничество перестало быть важным, хотя кое-где и сохранилось. Для будущих кандидатов и докторов наук наставник, к которому они обращаются с любыми вопросами, — это научный руководитель. А в среде обычных студентов наставничество стало редкостью.

Я, как директор Высшей школы государственного администрирования Московского госуниверситета, иногда предлагаю преподавателям стать наставниками, а подчас и сам становлюсь наставником, объясняя многие вопросы. Но все это неофициально, так как понятие «наставник» законодательно не закреплено. Попытки внедрить наставничество в Московском госуниверситете не увенчались успехом. По этому вопросу я обращался к ректору МГУ Виктору Антоновичу Садовничему, но пока безрезультатно.